

Новикова Елена Ивановна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."

ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1941 – 1945 ГГ.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Я, Новикова (Макарова) Елена Ивановна родилась в Ленинграде 10.02.1936 г. Мой отец, Макаров Иван Алексеевич (1902 – 1988), был преподавателем Политехнического института. Моя мать, Макарова (Гоц) Рива Фишелевна (1910 – 1999) к началу войны закончила 3 курса Педагогического института им. Герцена, а моя сестра, Макарова Элеонора Ивановна (1933 – 2012) закончила 1ый класс 241 школы. Жили мы в Октябрьском районе на пр. Римского-Корсакова д. 8 кв. 11 и занимали 2 комнаты в большой коммунальной квартире.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Начало войны застало нас на даче в Царском селе (ныне г. Пушкин). По сигналу первой воздушной тревоги все жители должны были спуститься в бомбоубежище. Я случайно отстала от родителей и залезла с куклой под кровать. Когда тревога закончилась, мои встревоженные родители с огромным облегчением меня там нашли.

Папа сразу записался добровольцем на фронт, а мама была назначена в 241 школу формировать детские интернаты для отправки в эвакуацию, в Сибирь. Уходя на фронт, папа дал маме наказ, чтобы она отправила детей с первым же интернатом и эвакуировалась сама. Там, в Сибири, как бы тяжело не было, мы останемся живы. Ленинград же будет мишенью №1 и живых в нем не останется. Так мама и поступила.

Вскоре по приказу Сталина Ленинград был объявлен городом фронтом и все гражданское население вместе с гражданскими учреждениями должны были эвакуироваться.

Был открыт Ленинградский фронт под командованием героя Гражданской войны К.Е. Ворошилова. К нему стали обращаться те, у кого члены семьи были приписаны к Ленинградскому фронту, чтобы он разрешил не эвакуироваться. Мол, вместе будем воевать, после боя муж, брат, сын смогут прийти на побывку домой и отдохнуть у домашнего очага. Ворошилов принадлежал к старой гвардии и понятия не имел о современной войне. И он разрешил желающим не эвакуироваться!!! Всем известно к чему это привело.

Когда кольцо блокады сомкнулось и положение Ленинграда стало очень тяжелым, Косыгин был снят. Много поменялось командующих Ленинградским фронтом перед тем, как на помощь гибнущему городу Сталиным были назначены нарком Косыгин и тогда еще генерал-лейтенант Жуков. Косыгин, коренной ленинградец, выпускник Политехнического института, отлично знавший обстановку, наладил «Дорогу Жизни», а Жуков реорганизовал оборону так, что о сдаче Ленинграда вопрос навсегда отпал.

ЭВАКУАЦИЯ

Помню, как в день отъезда, я и моя сестра Нора как и все дети от 3 до 14 лет, одетые по-осеннему, с небольшими типовыми серенькими рюкзаками за спиной, в которых помещалась только одна смена белья, собрались в 241 школе. После долгого трогательного прощания с родителями детей посадили в автобусы и отвезли на Московский вокзал.

Поскольку наш интернат выезжал одним из первых, ехали мы в купейных вагонах, каждый ребенок был помещен на отдельную полку. Позже, узнав о том ужасе, в котором оказались оставшиеся, мы с болью прикидывали сколько детей и взрослых можно было разместить на этих полках.

Отправив нас, мама продолжала формировать интернаты. Ссылаясь на разрешение Ворошилова, многие родители отказывались эвакуировать уже подготовленных к эвакуации детей. Приходилось переоформлять и переутверждать списки, иногда по несколько раз, успевая переоформить их почти что к самому отправлению поезда.

Воспитателями назначались учителя школы, каждому интернату полагалось иметь одного врача и одну медсестру. Весь технический персонал набирался из ленинградцев. Посторонних включать в штат, как и брать по ходу дела других детей, было категорически запрещено. Мама успела выехать с последним интернатом в качестве воспитателя старшей группы мальчиков. Директором интерната была Зинаида Ивановна (фамилию не помню) очень талантливый педагог. В конце 1942 г. её взяли на повышение, а директором интерната поставили маму.

Первая остановка интернатов была сделана в Ярославле. Нас помыли, сменили белье, обрили всех наголо, оставив лишь старшим девочкам небольшие челки. Тут мама нас нагнала и перевела в свой интернат № 109.

ДОРОГА В СИБИРЬ

В Сибирь нас отправили в теплушках. В вагонах были сделаны трехэтажные нары и на каждой полке поперек размещалось по пять детей. Наш вагон был первым после паровоза. Вскоре после отъезда наш поезд попал под бомбежку.

Целыми остались только паровоз и наш первый вагон, остальные пошли под откос. Во время бомбежки нас крепко тряхнуло и несколько малышей свалились с полка, в том числе и я. Когда налет кончился, нас подняли и осмотрели. На мне крови не было, пока бомбили боль от ушиба прошла, глаза были открыты и никто не заметил, что в нижней части черепа у меня образовалась вмятина, которая в дальнейшем привела к значительным нарушениям здоровья. В 56 лет мне дали пожизненную инвалидность IIой группы, а в 60 я совсем сдала. Я лежала вся отекая, спина была синяя, очень болели плечевые суставы. В поликлинике тогда были большие очереди, а чтобы лечиться, надо было иметь крепкие нервы, но и они были на исходе. Тогда сын, обеспокоенный моим состоянием, отвез меня в платную клинику известного мануального терапевта Шевченко. Там доктор Шевченко и обнаружил у меня застарелую вмятину на голове, как он определил, полученную в пятилетнем возрасте. Эта вмятина стала не только причиной многочисленных заболеваний, которые доктор перечислил, но и причиной того, что я реализовала свои природные способности только на 20 %.

Так что некоторые, казалось бы, благополучно выехавшие в эвакуацию, физически пострадали от войны не в меньшей степени, а иногда и в большей, чем те, которые прошли ужасы блокады, концлагерей и оккупации.

ПРИЕЗД

Привезли нас в Омскую, ныне Тюменскую, область, в районный центр село Аромашево с развитой инфраструктурой. Село Аромашево и по сей день стоит на левом берегу реки Вагай, которая в свою очередь является левым притоком Иртыша. В настоящее время это город с населением более 200 тыс. чел. (см. рис.1).

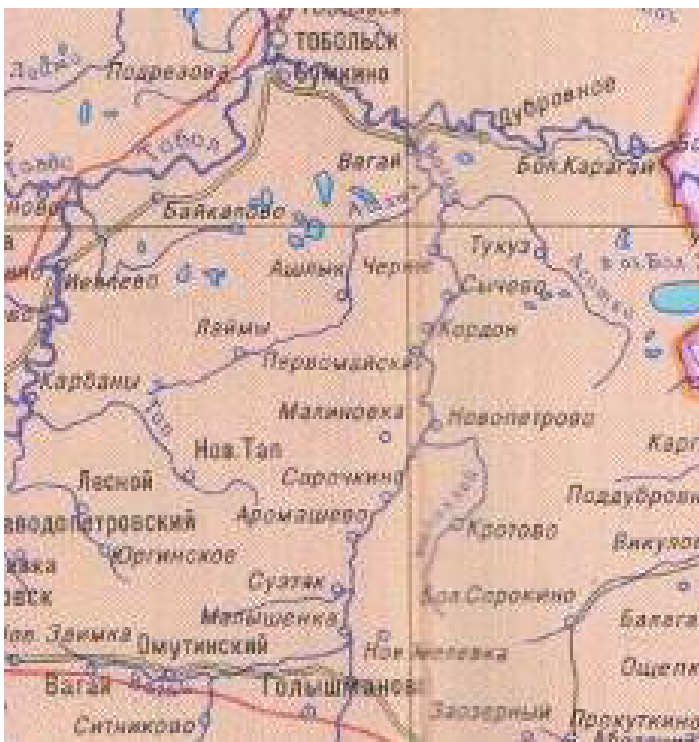

Рис. 1

Из дождливого и пасмурного Ленинграда мы попали в солнечную лесостепь с резко континентальным климатом. Часто попадались рощицы из кедровой сосны.

Разместили нас на территории 0,5 га, на которой стояли четыре постройки, как будто специально предназначенные для приема эвакуированных детей. Воспитателей поселили вместе со своими группами. Всего в интернате было 250 детей.

В спальнях стояли деревянные топчаны, на них были положены матрацы и подушки, набитые свежим сеном, наволочка, две простыни и одеяло. В изголовьях топчанов было место для личных вещей – зубной щетки, расчески, ленточек и пр.

БЫТ.

В начале было очень трудно. Школьников отправили учиться в местную школу, ясельные подрастали. Но оказалось, что дети выросли из той одежды, в которой приехали, да и её было мало, всего одна смена, которая сильно износилась. Особенно тяжело было с обувью. Тетрадей не было. Уроки делали на боковых полосах старых газет. Не хватало карандашей, ручек, перьев и даже чернил.

Подступала суровая сибирская зима, к которой мы не только не были готовы, но даже не имели никакого представления о жестоких сибирских морозах с температурой ниже 400 С.

Ко времени нашего приезда все мужчины села от 17 до 50 лет и незамужние женщины востребованных на фронте специальностей были отправлены на фронт. На селе остались дети до 16 лет, женщины при них и мужчины старше 50 лет. Как и вся страна, село жило под лозунгом: «Вся для фронта, все для Победы!»

Жили при свечах. Электричество давали только в выходные дни. В другое время его направляли на оборонные предприятия, которые работали круглосуточно. Так что кроме помещений, топчанов, постели на первое время и валенок, зимой Сибири нечего было нам предоставить.

Осенью был заключен договор с союзниками и во все интернаты стала поступать гуманитарная помощь, в основном, из Америки. Нас одели, что называется, с ног до головы. Просто, но достаточно удобно. Одежда была сшита из очень плотной хлопчатобумажной ткани в рубчик глубокого серого цвета. Мальчикам дали гимнастерочки и брюки, а девочкам вполне приличные платья. Из такого же материала, только плотнее, мальчикам выдали пальто до колен, подбитые ватой и теплые шапки типа буденовок, а девочек одели в синие пальто из слегка буклированной ткани и такие же шапочки. На зиму всем выдали теплые свитера и рейтузы. Обувь союзники нам прислали только осеннюю и летнюю. От морозов нас спасали сибирские валенки.

Появились письменные принадлежности, принадлежности для шитья.

Присылали нам и продукты. Я помню яичный порошок, комбижир или маргарин, кусковую глюкозу, витамины горошком, кое-какую крупу, а по праздникам нам выдавали кусковой шоколад.

Остальное мы были должны добывать сами. Весной интернат включался в посевную. Совхоз выделял нам землю, посадочный материал и новорожденных шесть поросят, двух телят, а также корову. Это было наше мясо и молоко на весь год.

Мальчики пахали на лошадях, сеяли хлеб, но не у всех эта работа получалась. Девочки отвечали за огород, сажали картошку и другие овощи,

пропалывали их. Между посевной и сбором урожая заготавливали сено, чтобы было чем набивать наши матрацы и подушки и кормить наше небольшое стадо. Заготавливали дрова.

Младшие дети собирали для фронта лечебные травы, ромашку, подорожник и др., а также ягоды. Надо было набрать две кружки ягод. Одну отдать на общий кисель – компот, а другую съесть самим.

Чтобы пасти интернатское стадо, сначала выделяли по очереди двух девочек из средней группы. Но всякий раз животные у них разбегались, и приходилось их искать, иногда до полуночи, как говорится, всем миром. Девочки плакали, и пасти стадо не хотели. Тогда сделали пастухом меня. Я только закончила 1ый класс.

Остриженная наголо, в американском коротком комбинезончике, с хлыстиком в руках я каждое утро входила в сарай, хлопала ладошками над головой и говорила: «Ребятки пошли». «Ребятки» - шесть поросят и два теленка послушно выходили из своих загончиков и шли за мной. Нас сопровождала интернатская собака – сибирская лайка, с которой я давно дружила. Мы выходили за пределы села, и я вела стадо не на открытую лужайку, как это до меня делали девочки, а туда, где были болотца и небольшие деревца. Я заметила, что там, где животные, туда обязательно прилетают насекомые и кусают их. Животным надо было обязательно почесаться о деревья, а свинкам еще и выкупаться в болоте. Кроме того, я ловила им головастика, которые были для них лакомством. Иногда дополнительно я почесывала их прутиком. Когда телята, резвясь, далеко отбежали, лайка снова подгоняла их поближе к стаду. Так что ни разу никто из животных от стада не оторвался. Так я и осталась до конца срока интернатским пастухом.

Однажды из сарая за мной вышли не шесть, а только пять свинок. Мне сказали, чтобы я шестую не искала. По возвращении меня обычно кормили запоздалым обедом, т.к. возвращалась я со стадом примерно к 5 часам.

В этот раз в столовой почему-то было много взрослых, и повар торжественно объявила, что первую порцию кровяной колбаски получит пастух. Когда я сообразила, что эта колбаса сделана из моей свинки, которую я пасла, чесала,

кормила, с которой я разговаривала, я упала в глубокий обморок и долго не могла есть мяса.

Наступал сентябрь, воспитанника приступали к занятиям в школе, и все шло своим чередом.

НАШИ ВОСПИТАТЕЛИ.

Моя мама, Макарова Рива Фишелевна, сначала была воспитателем старшей группы мальчиков. Она была очень красивая, с сияющими серыми глазами, спортивная, хорошо пела и танцевала. Она была от природы талантливым педагогом, любила детей и умела держать дисциплину. Поскольку дети коверкали её имя, она разрешила называть себя Риммой Федоровной, так им было привычнее. Воспитанники были из разных семей, от интеллигенции (врачи, юристы, инженеры) до рецидивистов. Маме никогда не приходилось повышать голос, достаточно было просто поворота головы и взгляда, чтобы обстановка нормализовалась. В 1942 г. её назначили директором интерната. Два раза в год приезжала комиссия с проверкой из Омска, и всегда состояние интерната признавалось отличным. Наш интернат по всей Сибири был признан лучшим.

Впоследствии, к 50-летию возвращения детей из эвакуации, о нашем интернате и маме писали в газете и сделали передачу на телевидении.

Хорошо помню Ольгу Ивановну Протопопову, воспитателя старшей группы девочек. В этой группе, была её дочь Нонна. У Ольги Ивановны было высшее музыкальное образование. В спальне у старших девочек стояла фисгармония – это инструмент, похожий на пианино. Ольга Ивановна организовала хор, выделила солистов и солисток, наиболее одаренным давала начальное музыкальное образование.

В моей младшей группе воспитательницей была Алиса Августовна Кан. Она обучала нас немецкому языку, рукоделию, клеить елочные игрушки и многому другому. Начинала она учиться в Смольном институте благородных девиц, а затем окончила гимназию. В интернате находилось двое её детей, в старшей группе мальчиков сын Костя и в средней группе девочек дочь Лида. Когда мы пошли в школу, Костя и Лида приходили помогать нам делать уроки, как бы

шефствовали над нашей группой. Сами они были круглыми отличниками. С ними наша семья дружила до самой их кончины.

Нашим врачом была Зислина Фаина Моисеевна. В младшей группе было двое её детей, Боря и Алла. Она была замечательным диагностом. В округе в 200 км не было такого квалифицированного детского врача. Часто за ней приезжала подвода, чтобы отвезти на консилиум в детскую больницу или в другой интернат. Благодаря её усилиям у нас не было ни одной эпидемии. Каждый день она с медсестрой Крутик Верой Марковной заходила в столовую, когда все дети были в сборе, и выявляла, кто плохо выглядит, у кого признаки простудных или других заболеваний, чтобы своевременно принять меры.

Наш повар Анна Михайловна из ничего создавала шедевры кулинарии. Хорошо помню вкусные гороховые оладьи, блины из чечевицы, кашу из черемухи (типичная сибирская еда), а весной, когда овощи кончались, супы из лебеды и крапивы, которые собирали дети нашей младшей группы.

И наконец, Чжао-Фа. В интернате находились две её дочери, в младшей группе Люся, а в средней группе Нина. Она была техническим работником, а в Ленинграде заведовала культмассовым сектором в Доме Культуры. Она играла на гитаре и очень хорошо пела. Её репертуар был многообразен и своим пением она украшала нашу жизнь.

С остальными воспитателями я общалась мало. Помню, что они являлись учителями физики, математики и литературы.

Все воспитатели самоотверженно трудились, можно считать, круглосуточно, так как жили вместе со своими группами.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Каждое утро в 800 часов весь интернат собирался в столовой на завтрак. В полном молчании ожидали, когда заговорит радио. Сначала раздавались звуки метронома, а затем голос Левитана объявлял: «Говорит Москва. Передаем сообщение Информбюро...» Сначала сводки были печальные. После победы под Сталинградом, мы, как и вся страна, поняли, что наступил крутой перелом. Мы стали ждать Победу.

К праздникам готовились особенно тщательно. Выпускали стенгазету и красочный альбом. Репетировали концертную программу. В репертуаре были выступления хора, солистов, декламации, танцевальные номера, частушки и обязательно акробатические пирамиды, которые тогда были в моде.

С концертами мы выступали в клубе и в госпитале. Наши концерты пользовались огромным успехом, приходили почти все жители села и его окрестностей, а также выздоравливающие раненные из госпиталя. Обязательно присутствовало районное руководство.

У меня тоже был номер. Мне повязывали большой бант, одевали розовое концертное платье, сшитое из накрахмаленной марли, и я декламировала «Дама сдавала багаж ...». Мое выступление неизменно бисировали, но выходила конферансье и объявляла, что ребенку пора спать. Несмотря на малый возраст, я понимала, что такой оглушительный успех номера объясняется не моим «великим талантом», а воспоминаниями раненных о своих детях, тоже эвакуированных с интернатами. При виде нарядного ухоженного ребенка они успокаивались за судьбу своих детей, у многих на глаза наворачивались слезы счастья.

Коллектив воспитателей стремился сделать праздничным каждое воскресенье. Уроки на понедельник делали в субботу вечером, после бани.

В воскресенье после завтрака и небольшого отдыха шли на спортивную площадку. Сначала все выполняли необходимый комплекс упражнений. Затем приступали к спортивным играм и в заключении репетировали акробатические пирамиды. Иногда на вершине пирамиды я делала «рыбку».

После обеда и тихого часа все собирались в Красном уголке. Сначала слушали политинформацию, которую проводили приглашенные обозреватели. Затем появлялась с гитарой Чжао-Фа и начиналась спевка. В начале пели патриотические песни типа «Вставай страна огромная»..., затем военные типа «Вьется в тесной печурке огонь ...» и др. после чего пели песни из популярных фильмов: «Веселый ветер», «Жил однажды капитан» и др. затем пели городские романсы и куплеты из популярных оперетт (куплеты Бони, «Частица черта в нас ...») и в конце «Шаланды полные кефали»... и «Соколовский хор у Яра ...». Этой песней обычно спевка заканчивалась. Голоса у воспитанников были очень красивые, у некоторых просто ангельские, разработанные на музыкальных

занятиях с Ольгой Ивановной Протопоповой. Пели, как правило, на два голоса. Особенно стройно и красиво выделялись голоса мальчиков. Эти спевки поднимали настроение воспитанников, не давали им унывать и скучать по родным.

После спевки шли на ужин и снова с замиранием сердца слушали сводку Информбюро.

Глубокое сочувствие высказывали воспитанники тем, на чье имя приходили сообщения о гибели родителей. Утешали, как умели, и плакали вместе.

А тем временем руководство интернатами прислало инструкцию отдавать детей-сирот на усыновление. Мама не хотела оставлять ленинградских детей в Сибири и пошла на лукавство. Желаящих усыновить приводили в нашу младшую группу, усаживали в игровой комнате, где они наблюдали, как мы играем. Присмотревшись, они, как правило, выбирали меня, и им сообщали, что у этой девочки есть родители. Тогда они уходили с тем, чтобы в другом интернате найти похожего ребенка.

А тем временем воспитатели опрашивали сирот о наличии у них родственников, и писали им письма с предложением принять сироту в свою семью. Почти у всех ребят такие родственники нашлись, и они прислали письма с согласием на усыновление. Только у двух ребят совсем никого не осталось.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Наступил долгожданный день Победы 9 мая!

Все жители села и весь интернат собрались на площади перед клубом с плакатами, транспарантами, лозунгами и цветами. На трибуну вышел глава района и произнес поздравительную речь. Местный духовой оркестр играл победные марши. Все ликовали.

Учебный год был закончен в ускоренном варианте, и в начале июня интернат был готов к отъезду. Нас посадили на подводы с сеном и повезли в Омск. От Аромашева до Омска почти 460 км., поэтому ехали несколько дней с остановками в специально подготовленных для нас школах. В Омск приехали в первой половине дня.

Мама пошла к руководству Интернатами утверждать документы на выезд. Ей удалось оформить разрешение на выезд всем детям, не исключая сирот.

Ближе к вечеру нас посадили в теплушки с нарами, и мы отправились в путь.

До Урала все было спокойно, ближе к Волге кое-где попадались разбитые дома, а когда переехали Волгу, на пути следования были сплошные руины. На всех остановках вокзалы были разбиты, а за ними не видно было ни одного целого дома. Кипяток выдавали в каких-то временных постройках, сколоченных из досок.

В Ленинград приехали в конце июля. Утром нас привезли в школу на Лиговском проспекте, и мы услышали, как диктор по радио несколько раз объявил о прибытии интерната № 109. Все дети были хорошо одеты и обуты, в руках у каждого был чемоданчик со сменой белья и школьной формой. Это было очень важно, поскольку в Ленинграде что-либо из одежды приобрести было невозможно. Этой одежды хватило на 2 года. Спасибо союзникам! Спасибо Америке! К обеду большинство детей были отданы родителям и родственникам, но остались

несколько воспитанников, за которыми родственники, ранее согласившиеся их принять, не пришли. Тогда мама, взяв письма, подтверждающие их согласие, сама стала развозить детей по адресам. Но приняли не всех.

Пришлось маме отвезти детей к нам домой, и некоторое время они жили у нас. Мальчиков постарше быстро разобрали в ремесленные училища при заводах, там были общежития. А вот детей поменьше с большим трудом удалось устроить в детские дома и без того переполненные.

Пока дети жили у нас, была проблема их накормить. В магазинах продукты продавались только по карточкам. На рынке все стоило баснословно дорого. Маме пришлось продать некоторые наши вещи, чтобы купить еду для детей. Я помню, как она продала швейную зингеровскую машинку, которая тогда была огромным дефицитом.

Но, в конце концов, все устроилось и началась новая трудная послевоенная жизнь, для некоторых, потерявших на войне отцов, очень трудная.

ЭПИЛОГ

Через 10 лет после возвращения из эвакуации по инициативе воспитанников мы стали встречаться каждые пять лет. Оказалось, что для всех воспитанников жизнь в интернате была самым ярким, самым значительным и самым интересным периодом жизни. А когда им перевалило за 50 лет, они стали задавать себе вопрос: "Смогли бы они, как мама, которой на момент отъезда из эвакуации было только 35 лет, свершить этот подвиг – в нарушении всех приказов привезти всех сирот в Ленинград, взяв на себя их устройство, избавив их, таким образом, от мучительного самостоятельного возвращения на Родину через много лет, когда все льготы (квартира, трудоустройство) были уже утеряны?". Они считали маму героиней.

Встреча через 40 лет

Костя Кан вручает маме цветы

Мама с группой мальчиков

18.03.2013 – 26.04.2013